

полития

В.Я.Гельман

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ «НЕДОСТОЙНОГО ПРАВЛЕНИЯ» В ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИИ ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКУЮ ПОВЕСТКУ ДНЯ¹

Ключевые слова: качество государственного управления, постсоветская Евразия, верховенство права, изменения режимов

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Choices of Russian Modernization» при поддержке Академии наук Финляндии (грант № 284664).

² В соответствии со складывающейся практикой под постсоветской Евразией понимается территория бывшего СССР за вычетом стран Балтии.

³ Обзор см. Zaostrovisev 2016.

⁴ Так, в Индексе восприятия коррупции, опубликованном Transparency International по итогам 2015 г., Россия и Азербайджан занимают то же место, что и Гайана и Сьерра-Леоне (119-е из 168 возможных), а Украина располагается еще ниже — на 130-м месте (Corruption 2015).

Почему качество государственного управления в некоторых странах гораздо хуже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня их социально-экономического развития? В частности, почему многие вполне развитые страны постсоветской Евразии², согласно многочисленным международным оценкам качества управления — как интегральным, так и посвященным отдельным проблемам (таким, как коррупция, верховенство права, права собственности)³, — находятся на одном уровне с бедными и слаборазвитыми странами третьего мира⁴ и намного отстают от посткоммунистических стран Восточной Европы? Поиск ответов на эти вопросы требует от исследователей углубленного анализа факторов и механизмов, обуславливающих становление и развитие «недостойного правления» (bad governance), без чего невозможно аргументированное обсуждение путей и способов преодоления данной тенденции.

Настоящая работа призвана нащупать некоторые направления анализа этой проблемы применительно к странам постсоветской Евразии. Правильная постановка диагноза хотя и не гарантирует успешного лечения, но все же позволяет понять, в какой мере тяжелая и опасная болезнь «недостойного правления» в принципе может быть купирована в обозримом будущем. В чем ее общие причины и региональные и страновые особенности? Почему «недостойное правление» по-разному проявляет себя в различных политических и институциональных контекстах? И почему одни попытки его преодоления оказываются более успешными, чем другие? В самом деле, клиническая картина болезни отнюдь не однозначна. Несмотря на неприглядную в целом картину, постсоветская Евразия демонстрирует существенные вариации bad governance и в пространстве (например, успех некоторых преобразований в Грузии), и во времени (скажем, попытки улучшить качество государства в России в начале 2000-х годов), и в различных сферах. Чтобы объяснить эти и другие вариации, необходимы переоценка и/или

более пристальное рассмотрение используемых в литературе подходов и выработка новых рамок анализа «недостойного правления» в регионе и современном мире в целом. В этом и состоит задача данного исследования. В нем предпринята попытка перейти от целостной характеристики политико-экономического порядка в постсоветской Евразии⁵ к изучению конкретных его проявлений в сфере государственного управления как шагу на пути к эмпирическому объяснению феномена *bad governance* в теоретическом и сравнительном контексте.

⁵ *Gel'man 2016b.*

**«Недостойное
правление»:
ускользающий
феномен**

Хотя вопрос о причинах и механизмах «недостойного правления» находится в центре внимания политической науки со времен Никколо Макиавелли, современные дискуссии вокруг этого феномена — явление относительно новое, вызванное не только ростом интереса специалистов к различным аспектам государственного управления⁶, но и появлением ряда новых познавательных инструментов и международных баз данных, созданных при участии Всемирного банка и ряда других исследовательских и неправительственных организаций. Вместе с тем сам по себе термин *bad governance* в немалой степени остается «ускользающим», выстроенным как антоним по отношению к «достойному правлению» (*good governance*) — понятию, критерии которого носят многомерный характер и тоже несколько размыты⁷.

⁶ *Обзор см. Levi-Faur 2012.*

⁷ *Rothstein 2012.*

⁸ *Worldwide 2016.*

Согласно подходу, лежащему в основе программы Всемирного банка *Worldwide Governance Indicators*⁸, суть «достойного правления» определяют шесть главных параметров: (1) выборность и подотчетность властей; (2) политическая стабильность и отсутствие насилия; (3) эффективность правительства; (4) (высокое) качество регулирования; (5) верховенство права; (6) контроль над коррупцией. Соответственно, правомерно предположить, что «недостойное правление» будет представлять собой противоположность «достойного» по этим параметрам или, во всяком случае, по многим из них. Иначе говоря, ключевыми чертами «недостойного правления» должны быть: (1) отсутствие верховенства права и/или извращение его принципов (*unrule of law*⁹); (2) высокий уровень коррупции; (3) низкое качество регулирования; (4) неэффективность правительства; (5) отсутствие выборности и подотчетности властей; (6) политическая нестабильность и насилие. Однако в этом списке черт *bad governance* к понятию *governance* в узком смысле, то есть к политико-экономическому управлению государством как таковому, относятся лишь пункты (1–4), тогда как пункты (5) и отчасти (6) скорее выступают характеристиками политических режимов. Эти характеристики хотя и влияют на качество государственного управления, но не напрямую, а опосредованно и не всегда однозначно.

⁹ *O'Donnell 1999; Gel'man 2004.*

Содержательно подобное — негативное — определение «недостойного правления» трудно признать удовлетворительным, но такое положение вещей есть логический результат того, что немалой части

исследователей в социальных науках в принципе присущ некий нормативный уклон. Они оценивают многие общественные явления прежде всего с точки зрения их соответствия (или, точнее, несоответствия) нормативным идеалам (в данном случае — идеалам good governance) и рассматривают отклонения от этих идеалов в категориях «как не должно быть», а не «как на самом деле»¹⁰. Возвращаясь к медицинской метафоре, можно сказать, что тем самым они уподобляются врачам, которые уделяют основное внимание пропаганде здорового образа жизни и профилактике заболеваний, но при этом диагностируют сами заболевания и анализируют их причины и характер развития (не говоря уже об определении способов лечения) лишь в категориях отклонения от сконструированной ими нормы «здорового пациента».

Следствием нормативного уклона при анализе bad governance становится стремление к расширительной трактовке этого феномена: набор характеристик bad governance порой дополняется иными дефектами, причем не только государственного управления, но и общественного устройства в целом, превращаясь в перечень весьма разнородных негативных тенденций¹¹. Такой подход представляется неоправданным, поскольку он сводит в одно понятие явления, которые могут не иметь прямого отношения к низкому качеству государственного управления per se (например, социальное исключение или низкое доверие к власти). Поэтому при дальнейшем анализе целесообразно ориентироваться на «минималистское» определение bad governance, которое включает в себя отсутствие и/или извращение верховенства права, коррупцию, низкое качество регулирования и неэффективность правительства.

Вместе с тем сами эти характеристики тоже нуждаются в уточнении: необходимо понять, каково их место в государственном управлении, являются ли они лишь симптомами патологий или, напротив, нормой bad governance. Поскольку смена регистра изучения «недостойного правления» требует перехода от нормативных суждений к позитивному анализу, следует признать, что bad governance — не просто противоположность good governance, но проявление принципиально иного политико-экономического порядка¹², чем тот, воплощением которого служат идеалы good governance. Этот политико-экономический порядок, в свою очередь, хотя и выступает одним из частных случаев «порядка ограниченного доступа»¹³ и господства «экстрактивных» политических и экономических институтов¹⁴, но обладает рядом специфических оснований, отличающих его от других политико-экономических порядков¹⁵:

- извлечение ренты составляет главную цель и основное содержание управления государством на всех уровнях;
- механизм власти и управления тяготеет к иерархии («вертикаль власти») с единым центром принятия решений, стремящимся к монопольному положению¹⁶;
- автономия экономических и политических акторов по отношению к этому центру носит условный характер и может быть произвольно изменена и/или ограничена;

¹⁰ Показательно, что, хотя под-робнейший *Oxford Handbook of Governance* (Levi-Faur 2012) включает обзорную главу, посвященную good governance (Rothstein 2012), проблематика bad governance в нем почти не отражена.

¹¹ *Corruption and Governance s.a.*

¹² Ранее я обозначал его как «неопатримониальный» (см. Gel'man 2016b).

¹³ North et al. 2009.

¹⁴ Acemoglu, Robinson 2012.

¹⁵ В упомянутой выше работе (см. Gel'man 2016b) эти основания определены как «конституция», или неформальное институциональное «ядро», задающее рамки и механизмы не только политических режимов и рыночных отношений, но и государственного управления.

¹⁶ Hale 2014.

- формальные институты, задающие рамки осуществления власти и управления, представляют собой побочный продукт распределения ресурсов внутри «вертикали власти» и имеют значение в качестве «правил игры» лишь в той мере, в какой способствуют (или как минимум не препятствуют) извлечению ренты;
- аппарат управления разделен на соперничающие за доступ к ренте организованные структуры и неформальные клики.

Из сказанного следует, что ключевые характеристики bad governance суть атрибуты данного политико-экономического порядка, средства его обеспечения и поддержания в сфере государственного управления. Предельно огрубляя, можно утверждать, что поскольку государством управляют именно для того, чтобы извлекать ренту, то коррупция в различных ее формах¹⁷, представляющая собой важнейший механизм достижения этой цели, есть de facto норма «недостойного правления». Со своей стороны низкое качество регулирования и извращение принципов верховенства права не просто содействуют извлечению ренты, но способствуют стабильности иерархии в системе управления и обеспечивают условный характер автономии акторов посредством создания «размытых» или, напротив, крайне ригидных формальных институтов в сочетании с селективным правоприменением¹⁸. Что касается неэффективности правительства, то это неизбежный побочный эффект bad governance, с которым властям приходится мириться в той мере, в какой он не создает непосредственных вызовов политико-экономическому порядку в целом.

¹⁸ Taylor 2015.

Конкретные проявления bad governance в постсоветской Евразии настолько многочисленны и разнообразны, что одно их перечисление заняло бы немало места: регион может соперничать с Африкой за сомнительный статус заповедника «недостойного правления». Сам по себе этот феномен не стоит рассматривать как временный и переходящий (типа «детской болезни»), который может быть преодолен естественным образом: такое развитие событий возможно, но отнюдь не предопределено. Вместе с тем нет никаких оснований рассматривать его в качестве смертельного недуга, с неизбежностью ведущего к коллапсу управления и краху государства в обозримом будущем. Исследования, проводившиеся на материале африканских стран, говорят о несостоятельности подобных оценок: несмотря на катастрофические ожидания и внешние шоки в виде политических катаклизмов и экономических подъемов и спадов, «недостойное правление» в этих странах порой демонстрирует удивительную жизнеспособность¹⁹. Скорее bad governance можно уподобить тяжелому хроническому заболеванию, которое само по себе не влечет летального исхода, но так ослабляет организм пациента, что делает его намного более уязвимым к осложнениям и иным болезням. Другими словами, «недостойное правление» представляет собой устойчивое, хотя и весьма неэффективное равновесие, его нарушения случаются не столь часто, причем восстановление этого равновесия возможно даже в случаях глубоких внешних шоков.

¹⁹ Erdmann, Engel 2006.

Не будет большим преувеличением утверждать, что устойчивость bad governance в постсоветской Евразии со временем может стать самоподдерживающейся и государственный аппарат соответствующих стран с их сменами режимов и неравномерной экономической динамикой лишь в малой мере способен к реализации структурных реформ, направленных на повышение эффективности управления²⁰.

Длительный и устойчивый характер «недостойного правления» (присущий не только постсоветской Евразии, но и ряду африканских стран²¹) побуждает к его переосмыслению и более углубленному анализу. Несмотря на немалое внимание специалистов к проблематике «недостойного правления» в постсоветской Евразии, исследовательская повестка дня во многом носит описательный характер. В самом деле, о наличии симптомов bad governance свидетельствуют не только низкие рейтинги стран региона²² в глобальных иерархиях, познавательная и прикладная ценность которых остается дискуссионной²³. Можно также говорить о печальном консенсусе среди часто расходящихся по своим воззрениям и научным подходам авторов, в различном ключе анализирующих политику и управление в регионе²⁴: констатация durable bad governance стала общим местом практически всех работ по данной проблематике. Рисуемая в них картина фиксирует «захват государства»²⁵ со стороны соискателей ренты — государственного аппарата и связанных с ним представителей бизнеса. Стремясь к приватизации выгод и обобществлению издержек, рентоориентированные акторы, которые составляют основу правящих групп постсоветских государств, намеренно и целенаправленно создают и поддерживают социально неэффективные «правила игры»²⁶. Поскольку в силу инструментальной легитимности господства правящих групп²⁷ и сомнительных перспектив наследования власти²⁸ их горизонт планирования ограничен краткосрочной временной перспективой, эти акторы ведут себя как «кочевые», а не «стационарные» бандиты (в терминологии Мансура Олсона²⁹). Они расхищают ресурсы государств на всех уровнях управления, и использование по отношению к ним термина «клептократия»³⁰ — не публицистический прием, а вполне адекватное описание. Результатом становится «порочный круг» bad governance³¹: механизмы «недостойного правления» воспроизводятся при различных правителях, и попытки преодолеть его если и предпринимаются, то наталкиваются на сильное сопротивление и чаще всего дают лишь ограниченный эффект.

Но за пределами этого печального консенсуса открытым остается вопрос о причинах и механизмах «недостойного правления». Точки зрения здесь расходятся — от инвектив в адрес политических лидеров и их окружения³² и/или противопоставления «хороших» и «плохих» парней в процессе посткоммунистических преобразований³³ до представлений о непреодолимой специфике России и Евразии³⁴, ставящей крест на любых попытках избавиться от «недостойного правления». Поэтому для выработки позитивной исследовательской повестки дня необходима критическая переоценка существующих объяснений феномена bad governance.

²⁰ Gel'man 2016b; Gel'man, Starodubtsev 2016.

²¹ Erdmann, Engel 2006.

²² Zaostrovitsev 2016.

²³ Cooley, Snyder 2015.

²⁴ Aslund 2007; Easter 2012; Ledeneva 2013; Dawisha 2014; Hale 2014; Taylor 2015; Melville, Mironyuk 2016.

²⁵ Hellman 1998.

²⁶ North 1990: 16.

²⁷ Huntington 1991: 55.

²⁸ Brownlee 2007.

²⁹ Olson 1993.

³⁰ Dawisha 2014.

³¹ Gel'man 2016b.

³² Dawisha 2014.

³³ Aslund 2007.

³⁴ Критический обзор см. Травин 2015.

**«Недостойное
правление»:
почему?**

³⁵ North et al. 2009.

Хотя в современном мире «недостойное правление» воспринимается как аномалия, на деле история человечества по большей части представляет собой историю неэффективных коррумпированных правительств, а верховенство права и высокое качество регулирования — недавний феномен, возникший лишь в Новое время в ходе развития государств Модерна³⁵. При этом good governance отнюдь не появлялось само собой по доброй воле мудрых лидеров, но было вынужденным ответом правящих групп на два взаимосвязанных вызова. Во-первых, международная конкуренция сопровождалась многочисленными кровопролитными войнами: государства, демонстрировавшие недостаточную военную и экономическую эффективность, рисковали понести сильные потери или даже оказаться завоеванными своими более успешными противниками. Во-вторых, неэффективность и коррумпированность правительств стимулировали усиление внутривластного давления на них и со стороны значимых политических и экономических игроков, не включенных в поддерживающие режим «выигрышные коалиции»³⁶, и со стороны различных групп граждан. Собственно, хрестоматийный пример становления верховенства права и начала перехода к good governance в результате английской «Славной революции» в конце XVII в.³⁷ служит наглядной иллюстрацией воздействия этих вызовов. Спровоцированный агрессивной внешней политикой фискальный кризис привел к цепи политических кризисов (революция — диктатура — реставрация), продолжавшихся на протяжении десятилетий до тех пор, пока корона не согласилась на ограничение своих прав в пользу парламента. Лишь позднее длительный и устойчивый экономический рост, обусловленный в том числе и good governance, помог Британии укрепить свои позиции на международной арене, обезопасив себя от внешнеполитических вызовов.

³⁶ Bueno de Mesquita, Smith 2011.

³⁷ North, Weingast 1989; North et al. 2009.

Однако в современную эпоху характер международных и внутривластных вызовов «недостойному правлению» заметно меняется. Уход в прошлое войн уменьшает риски утраты власти в результате военных поражений. Что до экономической конкуренции, то проигрыш в ней хотя и является досадной неприятностью для коррумпированных и неэффективных правительств, все же не столь чувствителен. Снижение темпов экономического роста, сокращение инвестиций, отток финансового капитала и распыление капитала человеческого влекут за собой негативные последствия, но сами по себе не грозят правящим группам утратой власти и богатства — напротив, эти проявления «недостойного правления» позволяют поддерживать внутривластный status quo³⁸. «Выигрышные коалиции» способны как инкорпорировать в свой состав отдельных соискателей ренты, так и использовать против несогласных различные средства подавления.

³⁸ Bueno de Mesquita, Smith 2011.

Опыт многих стран постсоветской Евразии полностью вписывается в эти рассуждения. Международные вызовы «недостойного правления» для их правящих групп носят среднесрочный характер, тогда как внутривластное давление со стороны социальных групп и экономических агентов проявляется лишь спорадически и по большей

части может быть взято под контроль. В этом плане постсоветское «недостойное правление» можно рассматривать как вполне закономерное развитие событий в ситуации, когда правящие группы в отсутствие вызовов, прямо угрожающих их пребыванию у власти, по умолчанию оказываются предоставлены сами себе и, не встречая сильного сопротивления внутри страны и на международной арене, могут рационально и целенаправленно выстраивать политико-экономический порядок. Если бы лидеры развитых стран, где сегодня укоренено good governance, оказались на месте руководителей постсоветских государств, то многие из них, вероятнее всего, управляли бы этими государствами примерно в том же ключе, что и нынешние правители.

В трудах исследователей, а также в разработках советников и консультантов «недостойное правление» принято связывать с «низким качеством институтов», «неблагоприятной институциональной средой» и различного рода «институциональными ловушками»³⁹. Но хотя низкое качество институтов действительно сопутствует «недостойному правлению», оно является следствием, а никак не причиной низкого качества регулирования и отсутствия верховенства права. Сами по себе институты есть результат институционального строительства, отражающего баланс сил и интересов ключевых игроков. Продолжая параллели с медициной, можно утверждать, что подмена диагноза описанием одного из симптомов заболевания ведет к неверному лечению. Стремление изменить формальные институты (посредством «заимствования» и/или «выращивания») без кардинального пересмотра институционального «ядра» политико-экономического порядка либо не дает улучшения, либо даже меняет ситуацию к худшему⁴⁰.

В чем же причины «недостойного правления» в постсоветской Евразии? Если вывести за скобки объяснения ad hominem, связывающие его с произволом конкретных личностей, а также утверждения о некоей исходной несовместимости ценностей и установок населения региона с good governance⁴¹, то набор этих причин сужается до двух кластеров. С одной стороны, речь идет об исторической обусловленности развития постсоветских стран и их разнообразном «наследии прошлого». С другой — о сложившейся после распада СССР конфигурации политических и экономических элит и их стимулах, об отношениях государства и общества, а также о специфике международного влияния на страны региона. Эти кластеры объяснений не противоречат, а дополняют друг друга.

Длинная рука прошло

Детерминистские объяснения «недостойного правления» в постсоветской Евразии восходят к укорененной в русской истории репрессивной и неэффективной авторитарной государственной машине. Считается, что эта «матрица»⁴², или «колея»⁴³, в принципе не подлежит изменению. Дополнением к подобной трактовке выступают детерминистские представления об отношениях государства и общества, основанные на схеме «советского человека» как средоточия многочисленных

³⁹ Аузан 2015.

⁴⁰ Gel'man 2016b.

⁴¹ Сравнительные кросс-национальные исследования не дают оснований говорить о том, что ценности, установки и ориентации граждан стран постсоветской Евразии обрекают регион на «недостойное правление». Проблема скорее заключается в ином: ценности и установки, каковы бы они ни были, лишь в небольшой мере влияют на поведение постсоветских граждан (Панеях 2016).

⁴² Hedlund 2005.

⁴³ Аузан 2015.

⁴⁴ *Левада 1993.*

⁴⁵ *Магун, Руднев 2010; Greene 2014; Панях 2016.*

⁴⁶ *Травин 2015.*

⁴⁷ *North 1990: 3.*

негативных черт социального типа, воспроизводящегося через поколения⁴⁴ и являющегося не только продуктом неисправимой «культурной матрицы», но и важнейшим инструментом ее поддержания. Эту точку зрения оспаривают специалисты, анализирующие тенденции развития современного российского общества в сравнительной перспективе⁴⁵. Она уязвима для критики, поскольку страдает дефицитом эвристичности и во многом построена по модели «подгонки» теории под заранее сконструированный ответ⁴⁶. Разумеется, было бы ошибкой отрицать, что «история имеет значение»⁴⁷ при анализе «недостойного правления». Но как именно прошлое влияет на настоящее и будущее в практике государственного управления?

Применительно к рассматриваемым сюжетам «наследие прошлого» обычно трактуется как некий набор неблагоприятных стартовых условий, которые, сложившись на момент распада СССР в силу различных причин, продолжают выступать в качестве препятствий на пути «достойного правления». Но такое восприятие «наследия» не позволяет ни объяснить, почему оно по-разному воздействует на различные страны региона и различные сферы управления, ни постичь механизмы его воздействия на институты и практики, сформировавшиеся после распада СССР. Стремясь преодолеть детерминизм, Стивен Коткин и Марк Бейссинджер переопределяют «наследие» как «длительную и устойчивую причинно-следственную связь между институтами и политическими курсами, задающую последующие практики или убеждения, которая сохраняется намного дольше, чем породившие ее режимы, институты и политические курсы»⁴⁸. Согласно их заключению, эта причинно-следственная связь, переносящая институты и практики прошлого в настоящее и будущее, реализуется посредством таких механизмов, как «фрагментация», «перевод», «установление параметров» и «культурные схемы». «Фрагментация» выражается в использовании в новых условиях отдельных частей институтов, унаследованных от прежнего режима. «Перевод» означает использование прежних институтов и практик для совершенно новых целей. «Установление параметров» подразумевает, что возникшие в прошлом ограничения закрывают возможности для становления ряда новых институтов и/или политических курсов. Наконец, «культурные схемы» — укорененные в прошлом, но пережившие прежний порядок способы мышления — задают восприятие тех или иных практик и способов деятельности как нормальных либо, напротив, неприемлемых⁴⁹.

⁴⁹ *Ibid.: 16.*

Действие перечисленных механизмов трансляции «наследия» в современную повестку дня России и других постсоветских стран подробно проанализировано коллегами Коткина и Бейссинджера на конкретных примерах. Так, «фрагментация» была характерна для последовавших после распада СССР преобразований структуры государственного управления на уровне аппарата правительств и министерств⁵⁰. Элементы «перевода» прослеживаются как в заимствовании сложившихся во времена СССР механизмов работы правоохранительных органов⁵¹, так

⁵⁰ *Huskey 2014.*

⁵¹ *Taylor 2014.*

⁵² Wilson 2005;
Ledeneva 2013.

⁵³ Gaddy 2014.

⁵⁴ Gel'man,
Marganiya,
Travin 2014.

⁵⁵ Denzau,
North 1994.

⁵⁶ Gel'man,
Marganiya,
Travin 2014.

⁵⁷ *Весьма показательна в этом плане реакция российского общества на внедрение ЕТЭ (Starodubtsev 2016).*

и в применении техник «компромата» и «черного PR» в постсоветских условиях⁵². «Установление параметров» нашло отражение в заданных физической и технологической инфраструктурой советского периода ограничениях, ставивших барьеры на пути структурных реформ⁵³. «Культурные схемы» лежат в основе образа «хорошего Советского Союза»⁵⁴ как своего рода нормативного идеала и служат базой «ментальных моделей»⁵⁵ для постсоветских акторов и обществ в целом.

Хотя рамки анализа «наследия» не специфицированы в хронологическом плане, целесообразно ограничить этот анализ советским периодом, не погружаясь в глубь веков. «Наследие» прошлого определяет настоящее и будущее не только и не столько само по себе: «история имеет значение» прежде всего потому, что различные акторы используют ее для достижения своих целей и в их рефлексии присутствует относительно недавний горизонт прошлого, так или иначе связанный с опытом одного или двух поколений⁵⁶. Среди упомянутых механизмов трансляции «наследия» в актуальную повестку дня лишь «установление параметров» может выступать объективным ограничением на пути «достойного правления», повышая издержки улучшения качества государственного управления и способствуя сохранению status quo. Но по мере создания и распространения новых, более эффективных институтов и практик, не имеющих основы в прошлом, масштаб этих издержек может снижаться. Что касается таких механизмов, как «фрагментация» и «перевод», то они служат инструментами правящих групп в ходе институционального строительства, а культурные схемы обуславливают представления этих групп о целях данного процесса и средствах их достижения.

«Наследие прошлого» — во многом социально сконструированный феномен, в том числе в постсоветской Евразии. «Культурные схемы» в этом регионе работают на поддержание «недостойного правления» как минимум в двух отношениях. Во-первых, они задают ретроспективный вектор общественных дискуссий, в которых советское (и досоветское) прошлое оказывается главной, если не единственной «точкой отсчета». История перестает быть уделом историков и пронизывает все аспекты жизни современной России и ряда других стран региона. В отсутствие перспективно ориентированного нормативного идеала опыт прошлого, воображаемые элементы которого играют роль нормативных «маркеров» (не важно, идет ли речь о периоде «застоя», о сталинской эпохе или об иных временах), рассматривается как альфа и омега в проектировании будущего. Как следствие, прежние институты и практики становятся своего рода опорами для институционального строительства и выработки политических курсов. «Фрагментация» и «перевод» служат средствами достижения этих целей. Во-вторых, поскольку отсылки к прежнему опыту — едва ли не единственный инструмент легитимации политических решений, иные механизмы управления, институты и политические курсы (пусть даже они соответствуют лучшим мировым образцам) не воспринимаются обществами в качестве легитимных⁵⁷.

«Хороший Советский Союз», то есть политико-экономический порядок, в какой-то мере напоминающий советский строй, но лишенный имманентно присущих ему дефектов, на деле имеет лишь косвенное отношение к реальному опыту позднего СССР. Элементами «наследия» выступают искусственно отобранные компоненты этого опыта, способствующие максимизации власти постсоветских правящих групп. К ним относятся иерархия «вертикали власти», «стабильность кадров» (то есть низкая сменяемость элит), закрытость и формально и неформально закрепленный привилегированный статус правящих групп, государственный контроль над важнейшими СМИ и репрессивная политика по отношению к инакомыслящим⁵⁸. Но такие составляющие политико-экономического порядка времен позднего СССР, как относительно низкий уровень неравенства и наличие определенных социальных гарантий, оказались отброшены без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны общества. «Хорошему Советскому Союзу» приписываются и те весьма значимые для правящих групп характеристики, которые реальному СССР не были присущи: полноценная рыночная экономика, позволяющая избежать проблем дефицита, отсутствие институциональных ограничений для присвоения ренты⁵⁹ и наличие внешнего интерфейса для легализации своего статуса и доходов в развитых странах. Не будет преувеличением утверждать, что «хороший Советский Союз» был сознательно сконструирован в качестве нормативного идеала правящими группами постсоветских стран и их службой, которые на фоне экономического роста 2000-х годов сумели получить — благодаря приватизации выгод и обобществлению издержек — почти все то, чего хотели, но не могли достичь их предшественники в позднем СССР⁶⁰.

⁵⁸ *Gel'man 2016a.*

⁵⁹ *Clark 1993.*

⁶⁰ *Gel'man, Marganiya, Travin 2014.*

⁶¹ *Gel'man, Starodubtsev 2016.*

⁶² *Волков и др. 2013; Huskey 2014; Paneyakh 2014; Taylor 2014, 2015.*

Обращение к «наследию» при строительстве постсоветских институтов и практик государственного управления способствует закреплению сложившегося положения вещей, в том числе посредством «фрагментации» и «переноса» отдельных элементов этого идейного конструкта. Это касается, помимо прочего, ряда шагов по реформе политического курса⁶¹ и государственной службы⁶². «Хороший Советский Союз» как нормативный идеал не создает стимулов для отказа от bad governance, даже когда повышение качества государственного управления объявляется целью предпринимаемых властями мер. Напротив, он служит достаточно эффективным инструментом легитимации политико-экономического порядка «недостойного правления» — во всяком случае, в среднесрочной перспективе, границы которой заданы жизненным циклом нынешних поколений постсоветских правящих групп и их неизбежной сменой в будущем.

Так или иначе, препятствующее good governance «наследие» в сфере государственного управления носит не столько материальный, сколько идейный характер. «Длинная рука прошлого», якобы обрекающая те или иные страны на господство коррупции и неэффективность, — по большей части социальный конструкт, формируемый и поддерживаемый

правлящими группами в целях максимизации собственной власти. Страны, которые, подобно ряду государств Восточной Европы и Балтии, хотя бы частично отказались от такого «наследия», могут повысить свои шансы на преодоление «недостойного правления», при том что успех на этом пути отнюдь не гарантирован. Но те, кто ищет источники современного государственного управления в воображаемом (славном или же бесславном) прошлом своих стран, способны превратить «недостойное правление» в бесконечный «порочный круг».

**Режимные циклы
и «недостойное
правление»**

Нет нужды доказывать, что становление и укоренение авторитарных режимов создает политическую и институциональную среду, которая благоприятствует «недостойному правлению». Редкие случаи высокого качества государственного управления в авторитарных режимах могут быть суммированы высказыванием Дани Родрика: «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго»⁶³, — чаще всего речь идет об исключениях, подтверждающих общее правило. Постсоветские авторитарные режимы, персоналистские по природе, к их числу в большинстве своем не относятся. Более того, электоральные авторитарные режимы (подобные российскому) в этом плане подчас даже хуже «гегемонных» (или «классических») ⁶⁴, для которых характерны заведомо неконкурентные «выборы без выбора» (примером в постсоветской Евразии может служить Казахстан). Электоральным авторитарным режимам свойственна не только зависимость от политических бизнес-циклов (которая присуща и демократиям), но и уязвимость к рискам ослабления, если не падения, в ходе и по итогам несправедливых выборов. Эти риски сужают горизонт планирования авторитарных лидеров, способствуя политизации управления государством и экономикой — от мобилизации избирателей на предприятиях ⁶⁵ до превращения государственного аппарата в «политическую машину» по обеспечению голосования в пользу правящих групп ⁶⁶. Результатом становится неспособность режимов к выработке адекватных стимулов к повышению качества государственного управления, подобных тем, что были созданы в Китае (регулярная ротация руководящих кадров, зависимость продвижения чиновников по службе от достигнутых ими успехов и т.п. ⁶⁷). В рамках «вертикали власти» стимулы для чиновников связаны с демонстрацией политической лояльности в ущерб эффективности управления ⁶⁸ — данная тенденция является «слабым местом» многих авторитарных режимов ⁶⁹.

На первый взгляд, парадокс постсоветской Евразии заключается в том, что ассоциирующаяся с демократизацией смена политических режимов там зачастую лишь усугубляет патологии «недостойного правления». Падение режима Виктора Януковича на Украине в 2014 г. хотя и повлекло за собой становление конкурентной «патримониальной демократии» ⁷⁰, не привело к заметному улучшению качества государственного управления. Захват государства «изнутри» (со стороны

⁶³ Rodrik 2010.

⁶⁴ Howard, Roessler 2006.

⁶⁵ Frye et al. 2014.

⁶⁶ Golosov 2013.

⁶⁷ Яковлев 2015.

⁶⁸ Reuter, Robertson 2012.

⁶⁹ Egorov, Sonin 2011.

⁷⁰ Fisun 2015.

Януковича и его клиентелы) сменился захватом государства «извне» (со стороны борющихся друг с другом олигархических групп), но не отказом от принципов bad governance. Аналогичным образом обстояло дело и в Кыргызстане. Как подчеркивает Скотт Радниц, исследовавший опыт смены режимов в этой стране в 2005 и 2010 гг.⁷¹, сопровождающийся массовой мобилизацией конфликт элит если и ведет к смене правящих групп, то сохраняет и даже консервирует «хищнический» характер государственного управления, связанный с извлечением ренты. Политизация управления государством и экономикой и стимулы к лояльности в ущерб эффективности присущи конкурентным постсоветским демократиям почти в той же мере, что и электоральным авторитарным режимам. Иначе говоря, демократизация как таковая отнюдь не обязательно препятствует «недостойному правлению».

⁷¹ Radnitz 2012.

Чтобы снять противоречия между характером политических условий «недостойного правления» в постсоветской Евразии и за ее пределами, Генри Хейл предлагает отказаться от дихотомии «демократизация vs. авторитаризм» в пользу модели «режимных циклов», в рамках которых повышение и снижение конкуренции элит суть лишь разные стадии этих циклов⁷². Действительно, конкуренция элит (которая является необходимым, хотя и недостаточным условием «минималистской» демократии) сама по себе не ведет — по крайней мере, в краткосрочной перспективе — к отказу от «недостойного правления». Более того, в некоторых случаях она способна усугубить коррупцию и извращение принципов верховенства права⁷³. В русле подобного рода рассуждений повышение качества государственного управления, как и устойчивая демократизация, может рассматриваться как возможный побочный эффект успешного социально-экономического развития и роста экономики⁷⁴. Но поскольку «недостойное правление» per se тормозит рост и развитие, существует немалая вероятность того, что «режимные циклы» будут в течение долгого времени воспроизводиться в тех или иных комбинациях, фактически сохраняя масштабы коррупции и неэффективности. Такой поворот событий грозит всерьез и надолго обречь государства постсоветской Евразии на участь, подобную участи стран Африки (несмотря на очевидные различия в уровне социально-экономического развития).

⁷² Hale 2014.

⁷³ Popova 2014;
Sharafutdinova
2011.

⁷⁴ См. также
Treisman 2015.

⁷⁵ Abrams, Fish
2015.

По-иному трактуют взаимосвязь между посткоммунистической режимной динамикой и качеством государственного управления Нейл Абрамс и Стивен Фиш, изучавшие причины успеха Эстонии после распада СССР⁷⁵. Они обращают внимание на то, что падение советского режима и обретение Эстонией независимости открыли «окно возможностей» для кардинального обновления не только правящих групп, но и всего государственного аппарата. Структурные преобразования в системе управления, основанные на заимствовании лучших практик и в принципе отвергавшие «хороший Советский Союз» как нормативный идеал, подготовили почву как для радикальных реформ в экономике, так и для отказа от «недостойного правления». Таким образом,

демократизация влияет на качество государственного управления не столько сама по себе, сколько как средство, позволяющее сменить состав и структуру элит и разрушить прежние иерархии, что при благоприятном стечении обстоятельств дает шанс если не победить «недостойное правление», то снизить его пагубное воздействие. Поэтому режимные циклы не превращаются в дурную бесконечность, которая лишь поддерживает status quo в государственном управлении. По сути дела сходную картину рисует и Лариса Буракова в своем описании реформ, предпринятых вскоре после «революции роз» под руководством Михаила Саакашвили и при активном участии Кахи Бендукидзе в Грузии⁷⁶, где крах прежнего режима и всей системы управления и приход на ключевые государственные посты новых деятелей, в том числе молодых профессионалов, позволил провести структурные преобразования в различных сферах (от регулирования экономики до правоохранительных органов и высшего образования).

⁷⁶ Буракова 2011.

В свою очередь непоследовательность и незавершенность демократизации в России (прерванной после прихода к власти «демократов» в начале 1990-х годов) повлекли за собой сужение каналов рекрутирования элит и консервацию «старой гвардии» на уровне управленческого аппарата ключевых ведомств, не говоря уже о субнациональных органах⁷⁷. В этих условиях неудивительно, что пришедшие в 1990-е годы в российское правительство реформаторы по большей части оказались в политической изоляции⁷⁸. Многие готовившиеся ими решения носили компромиссный характер и не способствовали повышению качества государственного управления ни в целом⁷⁹, ни в отдельных областях. Более того, и сами реформаторы не слишком стремились к созданию политических условий для обновления элит⁸⁰. Скорее они выступали младшими партнерами правящей группы в рамках новой «выигрышной коалиции», поддерживавшей режим. Еще более частичный и компромиссный характер носили попытки реформ политического курса, предпринятые в 2000-е годы⁸¹, и их влияние на «недостойное правление» было фрагментарным и временным.

⁷⁷ Kryshтанovskaya, White 1996.

⁷⁸ Авен, Кох 2013.

⁷⁹ Shleifer, Treisman 2000; Freeland 2000.

⁸⁰ Gel'man, Marganiya, Travin 2014.

⁸¹ Dekalchuk 2016; Gel'man, Starodubtsev 2016.

Исследования преобразований в посткоммунистических странах Восточной Европы подтверждают, что радикальное обновление элит при прочих равных условиях способствует продвижению структурных реформ и повышению качества государственного управления⁸². Однако в постсоветской Евразии после краха СССР шансы на такое обновление были упущены или попросту отсутствовали. Сходным образом обстояло дело и при последующих сменах режимов на Украине и в Кыргызстане. «Окапывание» (entrenchment) правящих групп, ограничение вертикальной мобильности и сужение каналов рекрутирования элит играют важную роль в поддержании «недостойного правления», все-речь и надолго блокируя стимулы к эффективному управлению государством и экономикой.

⁸² Fish 1998; Frye 2010.

**Международное
влияние:
скромное обаяние
империализма**

⁸³ *Levitsky, Way 2010; Bunce, Wolchik 2011.*

Влияние международных факторов на внутривластные изменения в постсоветской Евразии бурно обсуждается в свете политики «продвижения демократии» (democracy promotion) и ее воздействия на режимную динамику в странах, которые пережили «цветные революции» или, напротив, их избежали⁸³. Но насколько велик вклад международных акторов в борьбу с «недостойным правлением» в регионе? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. И дело не только в том, что правящие группы постсоветских стран воспринимают любое международное влияние как угрозу своему господству и пытаются противостоять ему всеми доступными средствами. В сфере государственного управления международные акторы преследуют разнородные цели и действуют отнюдь не в едином ключе, и возможности позитивного влияния с их стороны на правительства других стран не столь велики.

В общем плане международное влияние может способствовать борьбе с «недостойным правлением», лишь когда оно дополняет внутривластные усилия в этом направлении, а не замещает их. При отсутствии у правящих групп стремления ограничить «недостойное правление» международное влияние — как правило, в формате программ помощи (Всемирного банка, МВФ, Европейского союза etc.) — не приносит значимых плодов. Правительства стран-реципиентов в состоянии успешно манипулировать своими донорами, усугубляя проблемы принципал-агентских отношений; в свою очередь у доноров не так много возможностей серьезно изменить положение дел к лучшему. В этом плане критические оценки эффекта международных программ помощи в странах Африки⁸⁴ не слишком отличаются от описаний ситуации в России накануне и в ходе финансового кризиса 1998 г.⁸⁵ В отсутствие внутривластной воли к переменам давление международных акторов может в лучшем случае привести к частичным изменениям в отдельных сегментах государственного управления, а в худшем — легитимировать сохранение bad governance.

⁸⁴ *Easterly 2001.*

⁸⁵ *Gilman 2010.*

⁸⁶ *Агафонов 2015.*

По крайней мере, опыт таких программ, как продвигавшееся Европейским союзом «Восточное партнерство»⁸⁶, дает повод усомниться в их успешности с точки зрения качества государственного управления. Так, Молдова или Украина по итогам реализации этих программ управляются не лучше (хотя и не намного хуже), чем, скажем, Россия или Казахстан. Скептически стоит оценить и сотрудничество России с МВФ в 1990-е годы⁸⁷. Затягивание с принятием решений, частичное и выборочное воплощение в жизнь рекомендаций, ограниченное внедрение (на деньги доноров) «лучших практик» на отдельных площадках, невыполненные, а порой и невыполнимые обещания, сроки реализации которых сплошь и рядом откладываются «до греческих календ», и тому подобные практики обусловлены нежеланием правительств стран-реципиентов повышать качество государственного управления и неспособностью доноров принудить их к этому.

⁸⁷ *Gilman 2010.*

Влияние международных факторов в сфере государственного управления может быть концептуализировано в рамках двухмерной

⁸⁸ *Levitsky, Way 2010.*

⁸⁹ *Критику по отношению к Восточной Европе см., напр. Abrams, Fish 2015.*

⁹⁰ *Schimmelfennig, Sedelmeier 2004; Vachudova 2005; Easter 2012.*

⁹¹ *Hale 2014.*

схемы Стивена Левицки и Лукана Вэя, которая рассматривает «взаимосвязи» (linkages) и «рычаги» (leverages) Запада по отношению к другим странам⁸⁸. «Взаимосвязи» включают экономические, торговые, культурные и образовательные механизмы, привязывающие эти страны к Западу, тогда как «рычаги» (в форме программ помощи, членства в международных организациях и etc.) служат инструментами воздействия Запада на проводимую их правительствами политику. Левицки и Вэй справедливо отмечают, что ввиду изменения политических режимов сочетание сильных «взаимосвязей» и слабых «рычагов» (характерное, по их мнению, для ряда стран постсоветской Евразии) не создает достаточных стимулов к демократизации. То же самое касается и государственного управления, где такое сочетание иногда оказывается контрпродуктивным, способствуя не улучшению, а ухудшению качества институтов⁸⁹. Вместе с тем при свертывании «взаимосвязей» вследствие внешнеполитической изоляции, не говоря уже о самоизоляции от Запада, шансы на повышение качества государственного управления резко снижаются. Более того, в этом случае «недостойное правление» получает дополнительную внутривнутриполитическую легитимацию под прикрытием «защиты национальных интересов», в то время как внешнеполитическая легитимация утрачивает значение. Лидерам стран, которые находятся в международной изоляции, просто нечего уже терять.

По сути, выигрышной комбинацией, сдерживающей «недостойное правление», может стать лишь сочетание внутривнутриполитической готовности к структурным реформам и институциональным изменениям, с одной стороны, и сильных международных «рычагов» — с другой. Именно такая ситуация сложилась в странах Восточной Европы, условием вступления которых в Европейский союз было выполнение ряда обязательств (conditionality). В данном случае масштабный пересмотр законодательства и правоприменительной практики был важен не только с точки зрения качества управления и эффективности правительств⁹⁰. Фактически речь шла о передаче части национального суверенитета наднациональным органам, которые обладали возможностями принуждения, пусть и не очень широкими, по отношению к органам власти соответствующих стран. «Рычаги» оказались довольно действенным средством ограничения bad governance: необходимость следовать нормам и правилам Европейского союза если и не слишком улучшила качество государственного управления в Румынии или Болгарии, то, по крайней мере, поставила барьеры на пути его ухудшения. Без вступления в ЕС эти и некоторые другие страны, вероятно, управлялись бы не намного лучше, чем их соседи в постсоветской Евразии⁹¹.

Надо, однако, иметь в виду, что передача странами Восточной Европы части суверенитета в пользу Европейского союза стала результатом добровольного выбора граждан этих стран и значительной части элит. В постсоветской Евразии ситуация качественно иная, и вопрос о внешнем ограничении суверенитета здесь не стоит сегодня на повестке дня, причем не только из-за сопротивления со стороны правящих

групп. Ограничение суверенитета третьих стран — дорогое удовольствие для тех, кто пытается ввести внешний контроль: принуждение к соблюдению установленных извне норм и правил часто сопряжено с немалыми издержками. Даже в случае интеграции восточноевропейских стран в Европейский союз этот процесс, начатый в конце 1990-х годов, пока далек от завершения. Что же говорить о постсоветских государствах, где преодоление «недостойного правления» потребовало бы от стран Запада намного более масштабных и долгосрочных усилий. Империализм по отношению к постсоветской Евразии, несмотря на возможные позитивные эффекты с точки зрения государственного управления, означал бы для стран Запада неоправданно высокие и довольно длительные затраты по преодолению bad governance. Именно поэтому они воздерживаются от вмешательства в политико-экономический порядок стран постсоветской Евразии, пока тот не создает принципиального вызова для Запада. По крайней мере, в обозримом будущем страхи по поводу внешнего ограничения суверенитета постсоветских государств (как и надежды на такой исход) выглядят явно необоснованными. А значит, международное воздействие на «недостойное правление» в постсоветской Евразии, скорее всего, останется незначительным.

**Вместо
заключения:
как изучать
«недостойное
правление»?**

Итак, становлению и развитию «недостойного правления» в постсоветской Евразии способствовало отсутствие внешних и внутренних ограничений на пути построения политико-экономического порядка в сочетании с рядом дополнительных неблагоприятных факторов, таких как: (1) идейная опора на «советское наследие» и «хороший Советский Союз» в качестве нормативного идеала для правящих групп и общества в целом; (2) узость каналов обновления элит и воспроизводство правящих групп; (3) слабое международное влияние со стороны Запада. Немногие исключения вроде Грузии, в период президентства Саакашвили сделавшей немало решительных шагов по улучшению государственного управления⁹², подтверждают это правило. В Грузии все три фактора работали в противоположном направлении (отказ от «наследия», обновление элит и интенсивная интеграция с Западом), но этот опыт остается едва ли не единственным в постсоветской Евразии. Более того, он задает негативные стимулы для правящих групп иных стран, явно демонстрируя, какие действия могут в обозримом будущем привести их к потере власти. Тем не менее вопрос о том, почему в некоторых случаях условия для ограничения «недостойного правления» возникают, а в других — нет, заслуживает дальнейшего анализа.

Негативные эффекты «недостойного правления» могут носить долгосрочный характер. Хотя устойчивое равновесие bad governance в краткосрочной перспективе может быть подорвано под воздействием внешних шоков, такой исход далеко не единственный, тем более что внешние шоки не всегда меняют положение дел к лучшему. Украина, пережившая после 2014 г. смену политического режима, потерю Крыма,

⁹² Буракова 2011.

военный конфликт в Донбассе и конфронтацию с Россией, управляется сегодня не лучше, чем во времена, предшествовавшие «революции достоинства». Почему внешние шоки оказывают столь противоречивое воздействие на «недостойное правление» в постсоветской Евразии, тоже пока не очевидно.

Каковы возможные стратегии ограничения «недостойного правления» в регионе? Правительства и негосударственные акторы могут инициировать целостные преобразования в сфере государственного управления или же двигаться постепенно, решая частные проблемы. На первый взгляд целостные преобразования кажутся более оправданными, однако сопоставление опыта Бразилии и Аргентины свидетельствует об обратном: успешное решение конкретных проблем в тех или иных областях государственного управления и экономики может повлечь за собой куда более значимые эффекты, чем целостные преобразования⁹³. Поскольку реформы политического курса в странах постсоветской Евразии существенно различаются как по методам, так и по результатам, сравнительный анализ проводимых преобразований способен дать ключ к ответу на этот вопрос.

Отдавая себе отчет в нереалистичности надежд на быстрое преодоление *bad governance*, оптимистично настроенные исследователи полагают, что в результате длительного и устойчивого экономического роста и смены поколений лидеров и обычных граждан спрос на верховенство права и эффективное правительство будет повышаться, тем самым стимулируя ограничение «недостойного правления»⁹⁴. Насколько оправданы эти ожидания применительно к странам постсоветской Евразии? Ведь нельзя исключить и иное развитие событий: кое-как справляясь с наиболее острыми вызовами и избегая катастрофических провалов, правительства могут сохранять «недостойное правление» неизменным, а неизбежная смена поколений может стимулировать становление в регионе своего рода наследственной клептократии. Коррумпированные и неэффективные правительства, ориентированные на извлечение ренты, в состоянии поставить крест на попытках ограничить «недостойное правление». И хотя прогностические способности политической науки скромны (мы не можем предвидеть контуры будущего, глядя на картины настоящего), поиск возможных драйверов изменений и механизмов, стимулирующих перемены к лучшему (или к худшему?), остается важным пунктом исследовательской повестки дня.

Любые аналогии почти всегда неполны и частичны, и использованная в тексте медицинская аналогия не исключение. Если тяжело больной пациент не только игнорирует рекомендации врачей, но и ведет нездоровый образ жизни, усугубляя свои проблемы со здоровьем, летальный исход неизбежен. Однако государства и общества, в отличие от индивидов, обычно не умирают и не исчезают с карты мира, как бы плохо они ни управлялись. На фоне господства «недостойного правления» они продолжают свое существование, часто бессмысленное, бесполезное и бесперспективное, переживая упадок и разложение,

⁹³ *Bersch 2016.*

⁹⁴ *Hale 2014; Treisman 2015.*

осложняя и ухудшая жизнь своих граждан и увеличивая риски для других государств и обществ. Bad governance как политический феномен выступает источником многочисленных проблем на всех уровнях — от глобального порядка до повседневной жизни людей. Именно для того, чтобы снизить угрозу возникновения и углубления «недостойного правления», необходимо тщательное его изучение — как в постсоветской Евразии, так и в других регионах.

Библиография

Авен П., Кох А. 2013. *Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук.* — М.

Агафонов Ю. 2015. Влияние европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства // *Мировая экономика и международные отношения.* № 10.

Аузан А. 2015. Ловушка «колеи» // *Colta.ru.* 4.09 (<http://www.colta.ru/articles/society/8428>).

Буракова Л. 2011. *Почему у Грузии получилось.* — М.

Волков В. и др. 2013. *Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ.* — СПб. (http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf).

Левада Ю. (ред.) 1993. *Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 80-х — 90-х.* — М.

Магун В., Руднев М. 2010. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // *Вопросы экономики.* № 12.

Панеях Э. 2016. Казнить нельзя помиловать: поступки и ценности россиян // *Inliberty.ru.* 1.03 (<http://www.inliberty.ru/blog/2235-Kaznit-nelzya-pomilovat-postupki-i-cennosti-rossiyan>).

Травин Д. 2015. *Теории особого пути России: классики и современники.* Препринт М-43/15 (http://eu.spb.ru/images/M_center/M_43_15.pdf).

Яковлев А. 2015. Стимулы в системе государственного управления и экономический рост (Опыт СССР, Китая и России) // *Общественные науки и современность.* № 2.

Abrams N., Fish M.S. 2015. Policies First, Institutions Second: Lessons from Estonia's Economic Reforms // *Post-Soviet Affairs.* Vol. 31. № 6.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty.* — N.Y.

Aslund A. 2007. *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed.* — Washington.

Bersch K. 2016. The Merits of Problem-Solving over Powering: Governance Reforms in Brazil and Argentina // *Comparative Politics.* Vol. 48. № 2.

Brownlee J. 2007. Hereditary Succession in Modern Autocracies // *World Politics.* Vol. 59. № 4.

Bueno de Mesquita B., Smith A. 2011. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics.* — N.Y.

Bunce V., Wolchik S. 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries*. — Cambridge.

Clark W.A. 1993. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965—1990*. — Armonk.

Cooley A., Snyder J. 2015. *Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance*. — Cambridge.

Corruption and Governance (<http://lnweb90.worldbank.org/eca/eca.nsf/Sectors/ECSPE/E9AC26BAE82D37D685256A940073F4E9?OpenDocument>).

Corruption Perceptions Index 2015 (<http://www.transparency.org/cpi2015>).

Dawisha K. 2014. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* — N.Y.

Dekalchuk A.A. 2016. Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.

Denzau A., North D.C. 1994. Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions' // *Kyklos*. Vol. 47. № 1.

Easter G. 2012. *Capital, Coercion, and Postcommunist States*. — Ithaca.

Easterly W.R. 2001. *The Elusive Quest for Growth: Adventures and Misadventures in the Tropics*. — Cambridge (MA).

Egorov G., Sonin K. 2011. Dictators and Their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off // *Journal of European Economic Association*. Vol. 9. № 5.

Erdmann G., Engel U. 2006. *Neopatrimonialism Revisited: Beyond a Catch-all Concept*. German Institute for Global and Area Studies, GIGA Working Paper № 16 (https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf).

Fish M.S. 1998. The Determinants of Economic Reforms in the Post-communist World // *East European Politics and Societies*. Vol. 12. № 1.

Fisun O. 2015. The Future of Ukraine's Neopatrimonial Democracy // *PONARS Eurasia*. Policy Memos № 394 (<http://www.ponarseurasia.org/memo/future-ukraine-neopatrimonial-democracy>).

Freeland C. 2000. *Sale of the Century: Russia's Wild Rule from Communism to Capitalism*. — N.Y.

Frye T. 2010. *Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy*. — Cambridge.

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. Vol. 66. № 2.

Gaddy C.G. 2014. Room for Error: The Economic Legacy of Soviet Spatial Misallocation // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.

Gel'man V. 2004. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution Building in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. № 7.

- Gel'man** V. 2016a. The Politics of Fear: How Russia's Rulers Counter Their Rivals // *Russian Politics*. Vol. 1. № 1.
- Gel'man** V. 2016b. The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. № 5 (<http://tandfonline.com/doi/full/10.1080/1060586X.2015.1071014>).
- Gel'man** V., Marganiya O., Travin D. 2014. *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985—2000: Generations, Ideas, and Changes*. — Lanham (MD).
- Gel'man** V., Starodubtsev A. 2016. Opportunities and Constrains of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms of the 2000s // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 1.
- Gilman** M. 2010. *No Precedent, No Plan: Inside Russia's 1998 Default*. — Cambridge (MA).
- Golosov** G.V. 2013. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 21. № 4.
- Greene** S. 2014. *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*. — Stanford (CA).
- Hale** H.E. 2014. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. — Cambridge.
- Hedlund** S. 2005. *Russian Path Dependence*. — L.
- Hellman** J. 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. Vol. 50. № 2.
- Howard** M.M., Roessler P.G. 2006. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. Vol. 50. № 2.
- Huntington** S.P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. — Norman (OK).
- Huskey** E. 2014. Legacies and Departures in the Russian State Executive // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.
- Kotkin** S., Beissinger M.R. 2014. The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.
- Kryshstanovskaya** O., White S. 1996. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. № 5.
- Ledeneva** A.V. 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*. — Cambridge.
- Levi-Faur** D. (ed.) 2012. *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.
- Levitsky** S., Way L.A. 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. — Cambridge.
- Melville** A., Mironyuk M. 2016. «Bad Enough Governance»: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. № 2.

North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. — Cambridge.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge.

North D.C., Weingast B.R. 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeen-Century England // *Journal of Economic History*. Vol. 49. № 4.

O'Donnell G. 1999. Polyarchies and the (Un) Rule of Law in Latin America: A Partial Conclusion // Mendez J.E., O'Donnell G., Pinheiro P.S. (eds.) *The (Un) Rule of Law and the Underprivileged in Latin America*. — Notre Dame (IN).

Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3.

Paneyakh E. 2014. Faking Performances Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 2—3.

Popova M. 2014. *Politicized Justice in Emerging Democracies: A Study of Courts in Russia and Ukraine*. — Cambridge.

Radnitz S. 2012. *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*. — Ithaca.

Reuter O.J., Robertson G.B. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *Journal of Politics*. Vol. 74. № 4.

Rodrik D. 2010. The Myth of Authoritarian Growth // *Project Syndicate*. 9.08 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>).

Rothstein B. 2012. Good Governance // Levi-Faur D. (ed.) *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. 2004. Governance by Conditionality: EU Rule Transfer to the Candidate Countries of Central and Eastern Europe // *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. № 4.

Sharafutdinova G. 2011. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. — Notre Dame (IN).

Shleifer A., Treisman D. 2000. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. — Cambridge (MA).

Shleifer A., Vishny R. 1993. Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108. № 3.

Starodubtsev A. 2016. How Does the Government Implement Unpopular Reforms? Evidence from Education Policy in Russia // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.

Taylor B. 2014. From Police State to Police State? Legacies and Law Enforcement in Russia // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.

Taylor B. 2015. The Transformation of the Russian State // Leibfried S. et al. (eds.) *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. — Oxford.

Treisman D. 2000. The Causes of Corruption: A Cross-National Study // *Journal of Public Economics*. Vol. 76. № 3.

Treisman D. 2015. Income, Democracy, and Leader Turnover // *American Journal of Political Science*. Vol. 59. № 4.

Vachudova M. 2005. *Europe Undivided: Democracy, Leverages, and Integration after Communism*. — Oxford.

Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. — New Haven.

Worldwide Governance Indicators, 1996—2014. 2016 (<http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators>).

Zaostrovtssev A. 2016. Authoritarianism and Institutional Decay in Russia: Disruption of Property Rights and the Rule of Law // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.

References

Abrams N., Fish M.S. 2015. Policies First, Institutions Second: Lessons from Estonia's Economic Reforms // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 31. № 6.

Acemoglu D., Robinson J.A. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. — N.Y.

Agafonov Ju. 2015. Vlijanie evropejskoj politiki sosledstva na politicheskie rezhimy stran Vostochnogo partnerstva // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. № 10.

Aslund A. 2007. *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed*. — Washington.

Auzan A. 2015. Lovushka «kolei» // *Colta.ru*. 4.09 (<http://www.colta.ru/articles/society/8428>).

Aven P., Kokh A. 2013. *Revoljucija Gaydara: Istorija reform 90-kh iz pervykh ruk*. — M.

Bersch K. 2016. The Merits of Problem-Solving over Powering: Governance Reforms in Brazil and Argentine // *Comparative Politics*. Vol. 48. № 2.

Brownlee J. 2007. Hereditary Succession in Modern Autocracies // *World Politics*. Vol. 59. № 4.

Bueno de Mesquita B., Smith A. 2011. *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior Is Almost Always Good Politics*. — N.Y.

Bunce V., Wolchik S. 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries*. — Cambridge.

Burakova L. 2011. *Pochemu u Gruzji poluchilos'*. — M.

Clark W.A. 1993. *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965—1990*. — Armonk.

Cooley A., Snyder J. 2015. *Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance*. — Cambridge.

Corruption and Governance (<http://lnweb90.worldbank.org/eca/eca.nsf/Sectors/ECSPE/E9AC26BAE82D37D685256A940073F4E9?OpenDocument>).

Corruption Perceptions Index 2015 (<http://www.transparency.org/cpi2015>).

- Dawisha K.** 2014. *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?* — N.Y.
- Dekalchuk A.A.** 2016. Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.
- Denzau A.**, North D.C. 1994. Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions' // *Kyklos*. Vol. 47. № 1.
- Easter G.** 2012. *Capital, Coercion, and Postcommunist States*. — Ithaca.
- Easterly W.R.** 2001. *The Elusive Quest for Growth: Adventures and Misadventures in the Tropics*. — Cambridge (MA).
- Egorov G.**, Sonin K. 2011. Dictators and Their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off // *Journal of European Economic Association*. Vol. 9. № 5.
- Erdmann G.**, Engel U. 2006. *Neopatrimonialism Revisited: Beyond a Catch-all Concept*. German Institute for Global and Area Studies, GIGA Working Paper № 16 (https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf).
- Fish M.S.** 1998. The Determinants of Economic Reforms in the Post-communist World // *East European Politics and Societies*. Vol. 12. № 1.
- Fisun O.** 2015. The Future of Ukraine's Neopatrimonial Democracy // *PONARS Eurasia*. Policy Memos № 394 (<http://www.ponarseurasia.org/memo/future-ukraine-neopatrimonial-democracy>).
- Freeland C.** 2000. *Sale of the Century: Russia's Wild Rule from Communism to Capitalism*. — N.Y.
- Frye T.** 2010. *Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy*. — Cambridge.
- Frye T.**, Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace // *World Politics*. Vol. 66. № 2.
- Gaddy C.G.** 2014. Room for Error: The Economic Legacy of Soviet Spatial Misallocation // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.
- Gel'man V.** 2004. The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution Building in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 56. № 7.
- Gel'man V.** 2016a. The Politics of Fear: How Russia's Rulers Counter Their Rivals // *Russian Politics*. Vol. 1. № 1.
- Gel'man V.** 2016b. The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. № 5 (<http://tandfonline.com/doi/full/10.1080/1060586X.2015.1071014>).
- Gel'man V.**, Marganiya O., Travin D. 2014. *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*. — Lanham (MD).
- Gel'man V.**, Starodubtsev A. 2016. Opportunities and Constrains of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms of the 2000s // *Europe-Asia Studies*. Vol. 68. № 1.

- Gilman M.** 2010. *No Precedent, No Plan: Inside Russia's 1998 Default*. — Cambridge (MA).
- Golosov G.V.** 2013. Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 21. № 4.
- Greene S.** 2014. *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*. — Stanford (CA).
- Hale H.E.** 2014. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. — Cambridge.
- Hedlund S.** 2005. *Russian Path Dependence*. — L.
- Hellman J.** 1998. Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Postcommunist Transitions // *World Politics*. Vol. 50. № 2.
- Howard M.M., Roessler P.G.** 2006. Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes // *American Journal of Political Science*. Vol. 50. № 2.
- Huntington S.P.** 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. — Norman (OK).
- Huskey E.** 2014. Legacies and Departures in the Russian State Executive // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.
- Jakovlev A.** 2015. Stimuly v sisteme gosudarstvennogo upravlenija i ehkonomicheskij rost (Opyt SSSR, Kitaja i Rossii) // *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. № 2.
- Kotkin S., Beissinger M.R.** 2014. The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.
- Kryshтанovskaya O., White S.** 1996. From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // *Europe-Asia Studies*. Vol. 48. № 5.
- Ledeneva A.V.** 2013. *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*. — Cambridge.
- Levada Ju.** (ed.) 1993. *Sovetskij prostoj chelovek: Opyt social'nogo portreta na rubezhe 80-kh — 90-kh*. — M.
- Levi-Faur D.** (ed.) 2012. *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.
- Levitsky S., Way L.A.** 2010. *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. — Cambridge.
- Magun V., Rudnev M.** 2010. Bazovye cennosti rossijan i drugikh evropejcev (po materialam oprosov 2008 goda) // *Voprosy ehkonomiki*. № 12.
- Melville A., Mironyuk M.** 2016. «Bad Enough Governance»: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 32. № 2.
- North D.C.** 1990. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. — Cambridge.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge.

North D.C., Weingast B.R. 1989. Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeen-Century England // *Journal of Economic History*. Vol. 49. № 4.

O'Donnell G. 1999. Polyarchies and the (Un) Rule of Law in Latin America: A Partial Conclusion // Mendez J.E., O'Donnell G., Pinheiro P.S. (eds.) *The (Un) Rule of Law and the Underprivileged in Latin America*. — Notre Dame (IN).

Olson M. 1993. Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. № 3.

Paneyakh E. 2014. Faking Performances Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. № 2—3.

Paneyakh E. 2016. Kaznit' nel'zja pomilovat': postupki i cennosti rossiyan // *Inliberty.ru*. 1.03 (<http://www.inliberty.ru/blog/2235-Kaznit-nelzya-pomilovat-postupki-i-cennosti-rossiyan>).

Popova M. 2014. *Politicized Justice in Emerging Democracies: A Study of Courts in Russia and Ukraine*. — Cambridge.

Radnitz S. 2012. *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*. — Ithaca.

Reuter O.J., Robertson G.B. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *Journal of Politics*. Vol. 74. № 4.

Rodrik D. 2010. The Myth of Authoritarian Growth // *Project Syndicate*. 9.08 (<http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>).

Rothstein B. 2012. Good Governance // Levi-Faur D. (ed.) *The Oxford Handbook of Governance*. — Oxford.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. 2004. Governance by Conditionality: EU Rule Transfer to the Candidate Countries of Central and Eastern Europe // *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. № 4.

Sharafutdinova G. 2011. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. — Notre Dame (IN).

Shleifer A., Treisman D. 2000. *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. — Cambridge (MA).

Shleifer A., Vishny R. 1993. Corruption // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108. № 3.

Starodubtsev A. 2016. How Does the Government Implement Unpopular Reforms? Evidence from Education Policy in Russia // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.

Taylor B. 2014. From Police State to Police State? Legacies and Law Enforcement in Russia // Beissinger M.R., Kotkin S. (eds.) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*. — Cambridge.

Taylor B. 2015. The Transformation of the Russian State // Leibfried S. et al. (eds.) *The Oxford Handbook of Transformations of the State*. — Oxford.

Travin D. 2015. *Teorii osobogo puti Rossii: klassiki i sovremenniki*. Preprint M-43/15 (http://eu.spb.ru/images/M_center/M_43_15.pdf).

Treisman D. 2000. The Causes of Corruption: A Cross-National Study // *Journal of Public Economics*. Vol. 76. № 3.

Treisman D. 2015. Income, Democracy, and Leader Turnover // *American Journal of Political Science*. Vol. 59. № 4.

Vachudova M. 2005. *Europe Undivided: Democracy, Leverages, and Integration after Communism*. — Oxford.

Volkov V. i dr. 2013. *Koncepcija kompleksnoj organizacionno-upravlencheskoj reformy pravookhranitel'nykh organov RF*. — SPb. (http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf).

Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. — New Haven.

Worldwide Governance Indicators, 1996–2014. 2016 (<http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators>).

Zaostrovsev A. 2016. Authoritarianism and Institutional Decay in Russia: Disruption of Property Rights and the Rule of Law // Gel'man V. (ed.) *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*. — Abingdon.